

Цветок в книге

ОЛИ Э 18+

Олли Эш

Цветок в книге

«Автор»

2026

Эш О.

Цветок в книге / О. Эш — «Автор», 2026

Нине пятнадцать, когда она убегает с бала, разбитая предательством Алексея. Он клянётся, что невиновен, но письмо так и не будет прочитано. Спустя годы они встречаются вновь. Он — боевой офицер, закалённый обидой. Она — бесприданница, спасающая от разорения больную мать и горячего брата. Цена спасения — её рука. Цена мести — его холодность. Но засохший бутон в старой книге хранит тайну, которую нельзя убить временем. «Если люди действительно любят друг друга, они могут преодолеть любые трудности» — так ли это, когда между вами семь лет лжи и невысказанных слов? Любовь, ненависть и второй шанс в историческом романе «Бутон в книге».

© Эш О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 4. Яд	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Олли Эш

Цветок в книге

Глава 1. Беседка

Имение Гордеевых, лето 182... года

Лето в тот год выдалось душным, и даже к вечеру каменные стены усадьбы не остывали, дышали в лицо сухим жаром, точно печь. В большой зале, где давали званый ужин, горели сотни свечей, и от их живого, дрожащего пламени духота делалась и вовсе невыносимой. Платье было хоть выжимай.

Нина сидела на дальнем конце стола, рядом с гувернанткой, и честно пыталась делать вид, что внимательно слушает наставления взрослых. Получалось скверно. Ей только недавно позволили оставаться на приёмах дольше обычного — жест высокой родительской милости, — но вместо радости она ощущала лишь скуку пополам с неудобством. Парадное платье из розового муслина, которое так нравилось ей дома перед зеркалом, теперь кололось и казалось ужасно тесным. В корсет ей, слава богу, ещё не затягивали, но лента под грудью была завязана слишком туго, и Нина то и дело незаметно пыталась её ослабить.

Она украдкой глянула туда, где сидел Алексей Вербенский. Его посадили через два стула от отца. В свои двенадцать он уже держался по-взрослому: прямая спина, серьёзное выражение на красивом, чуть скуластом лице. Он слушал какого-то пожилого господина с орденом и даже не вертел головой по сторонам, как сделал бы любой другой мальчишка.

— Скука смертная, — прошептала Нина одними губами, ни к кому не обращаясь.

Гувернантка мадемуазель Лоран сделала строгое лицо и прижала палец к губам. Нина вздохнула и уставилась в тарелку с нетронутым десертом. Клубничное безе выглядело так, словно его тоже утомила духота.

Взрослые тем временем заговорили о земельных наделах, и Нина поняла: если она просидит здесь ещё хоть минуту, то просто уснёт лицом в скатерть. Будет страшный позор, маменька расстроится, а отец потом три дня станет поджимать губы при взгляде на неё — это было его обычное наказание, и Нина боялась его куда больше, чем крика.

Она осторожно сползла со стула. Мадемуазель Лоран как раз отвлеклась — беседовала с соседкой, — и Нина, пригибаясь, как заправский индеец из книжки про американские колонии, проскользнула вдоль стены к двери, ведущей на боковую лестницу.

В коридоре было темно и прохладно. Она перевела дух и уже хотела бежать в детскую, когда услышала за спиной быстрые шаги. Обернулась — и сердце ёкнуло.

Алексей.

Он тоже сбежал. И вид у него был какой-то заговорщицкий.

— Ты куда? — шёпотом спросил он, хотя никто их тут не мог услышать.

— Куда угодно, лишь бы подальше. А ты?

— Туда же, — он коротко усмехнулся. — Пойдём в сад. Там сейчас никого.

Ни одного взрослого рядом, только Алексей, протягивающий ей руку, и тёмное окно в конце коридора, за которым стрекотали поздние цикады. Нина ни секунды не колебалась.

Они выскользнули через боковую дверь в сад.

Здесь дышалось совершенно иначе. Ночной воздух пах сиренью и влажной землёй, где-то журчала вода в фонтане, а небо над головой было бархатно-синим, и первые звёзды уже прокололи его золотыми булавками. Дорожка из белого гравия мягко хрустела под каблучками. Свет из окон зала падал на газон длинными тёплыми полосами, и в этих полосах серебрились мотыльки.

— Сюда, — Алексей потянул её за руку.

Беседка стояла в глубине сада, там, где заканчивались стриженные кусты и начиналась дикая сирень. Старая, деревянная, вся увитая плетистыми розами, которые цвели сейчас так буйно, что почти скрывали резные опоры. В темноте белые цветы светились, точно фарфоровые.

Они забрались внутрь. Отсюда, если чуть отодвинуть ветку, была видна бальная зала — ярко освещённый прямоугольник, в котором двигались тени. Взрослые как раз вышли из-за стола и теперь танцевали. Музыка доносилась сюда приглушённо, словно сквозь вату, и оттого казалась особенно прекрасной.

Нина, запыхавшись, села на скамейку. Алексей устроился рядом. Какое-то время они молчали, глядя на далёкие силуэты.

— Смотри, — вдруг сказал он, указывая на окна. — Вон твоя матушка танцует с твоим отцом.

И правда: в окне мелькнул бирюзовый шлейф платья госпожи Гордеевой и тёмно-зелёный сюртук. Родители кружились медленно, церемонно, точно на шахматной доске.

— Красиво, — прошептала Нина.

— Скукотища, — передразнил её Алексей, но беззлобно. — Когда я вырасту, на первом балу приглашу на танец только тебя.

Нина повернула голову. В полумраке лицо его казалось совсем взрослым — тени легли на скулы, глаза блестели.

— Обещаешь?

— Обещаю.

У него был серьёзный голос. Такой, каким дают слово офицеры перед дуэлью, а не мальчишки в летнем саду. Нина вдруг ощутила, как внутри что-то замерло — тёплое, хрупкое и совершенно новое. Будто бабочка проснулась под рёбрами.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Нина, движимая порывом, который сама не смогла бы объяснить, наклонилась и быстро поцеловала его в щёку. Губы обожгло о смуглую, горячую от летнего воздуха кожу. Пахло от него ромашкой и свежестью.

— Ты чего? — он отпрянул, но скорее удивлённо, чем сердито.

Она залилась краской — хорошо, что в темноте не видно.
— Ничего. Просто так.

Алексей потрогал щеку, словно проверяя, не осталось ли там мокрого следа.
— Девчонки странные, — изрёк он философски.

Нина фыркнула и тряхнула головой. Глупая выходка, конечно. Но сердце колотилось быстро-быстро. И ей вдруг захотелось быть смелой — до конца, раз уж они всё равно нарушили все мыслимые приличия.

— Когда ты сделаешь мне предложение, мы поцелуемся по-настоящему, — сказала она громче, чем собиралась. — Как взрослые.

Алексей уставился на неё. Она думала, он засмеётся, но он не засмеялся. Только взгляд стал каким-то новым — будто он впервые увидел перед собой не просто соседскую девчонку, с которой можно бегать наперегонки и дразниться, а кого-то ещё.

— По-настоящему, — повторил он медленно.

— Да. Это мое обещание.

Он ничего не ответил, только протянул руку к кусту роз, обвивавшему вход в беседку, и отыскал маленький, ещё не до конца распустившийся бутон. Сорвал осторожно, боясь уколоться. Белые лепестки были плотно скручены, но уже источали слабый, горьковато-сладкий аромат.

— Вот, — он вложил цветок ей в ладонь. Пальцы у него были тёплые и сухие. — Это залог. Сохрани, чтобы не забыла.

— Я никогда не забуду.

— Всё равно сохрани. Пока ты верна своему обещанию.

Она кивнула и бережно, двумя пальцами, завернула цветок в носовой платок.

— Я положу его в любимую книгу, — пообещала она. — Там он не пропадёт.

Из зала донеслись звуки нового танца — кажется, мазурки. Нина посмотрела на освещённые окна и вдруг подумала, что этот вечер — не просто скучный приём. Он особенный. Сегодня что-то изменилось в мире, и мир ещё не знает об этом, но она знает. И Алексей знает.

— Надо возвращаться, — сказал он нехотя. — Скоро хватятся.

— Ещё минуту, — попросила она.

Он не возражал. Они сидели плечом к плечу в старой беседке, в темноте и прохладе, и смотрели, как в золотом прямоугольнике окна кружатся тени. Сирень пахла так сильно, что кружилась голова. Мазурка закончилась, и начался вальс.

Нина зажала платок с цветком в кулаке. Если сильно зажмуриться, можно представить, как через несколько лет они с Алексеем будут вот так же стоять в бальной зале, а взрослые станут шептаться: «Смотрите, какая пара, как они счастливы». И он подаст ей руку — на виду у всех, не прячась, — и они закружатся под музыку, а белое платье, которое ей непременно сошьют, взлетит колоколом...

— Нина, — позвал Алексей тихо.

Она открыла глаза.

— Ты точно не забудешь? — спросил он и вдруг посмотрел на неё слишком серьёзно для двенадцатилетнего мальчика. Так смотрят, когда хотят убедиться, что тебе не приснилось то, что случилось наяву.

— Не забуду, — сказала она.

И не соврала. Она запомнила каждую секунду этой ночи: запах сирени, стрекот цикад, шершавое дерево скамейки под ладонями, тепло его пальцев и хрупкую тяжесть белого бутона в платке.

Глава 2. Первый бал

Пять лет спустя

— Стойте смирно, барышня! И не дышите. Не дышите же, ради всего святого.

Нина замерла. Горничная затягивала шнуровку на её новом бальном платье. Оно было белое, с серебряной вышивкой по подолу, похожей на морозные узоры. Платье было до того прекрасным, что у Нины перехватывало дыхание каждый раз, когда она видела его на вешалке. Теперь же, когда оно окутало её с головы до пят, она чувствовала себя и вовсе существом из иного мира — не девочкой-подростком, а той, кто вот-вот переступит невидимую черту взрослости.

— Готово, — выдохнула горничная, отступая. — Можете дышать. Только осторожно.

Нина осторожно вдохнула и повернулась к зеркалу. Оттуда на неё глядела высокая стройная девушка с причёской, уложенной короной на затылке — маменька настояла, чтобы непременно короной, — и с румянцем, который не нуждался ни в каких притираниях. Щёки горели и так.

— Ну вот, — прошептала она своему отражению. — Сегодня.

Пять лет миновали с того летнего вечера в беседке. Пять долгих лет, за которые она сто раз мысленно переживала тот разговор, тот поцелуй в щёку и белый бутон, спрятанный между страниц любимой книги. Цветок высох, стал хрупким и полупрозрачным, но пахнуть не перестал — или ей просто казалось, что она помнит запах.

Алексей вырос, возмужал и теперь носил мундир, хотя пока ещё не офицерский. Их семьи по-прежнему дружили, и хотя официального предложения он пока не делал, все вокруг — и родители, и соседи, и даже прислуга — говорили о будущем браке как о деле давно решённом. Нина привыкла к этой мысли, срослась с нею. И ждала. Ждала терпеливо и радостно, как ждут Рождества: знаешь, что праздник наступит непременно, нужно лишь немного потерпеть.

Сегодня Алексей обещал быть на балу. Сегодня он должен был официально объявить об их помолвке. А значит они станцуют свой первый взрослый танец — на виду у всех.

Сердце стучало как перепуганная птица.

В дверь постучали. Вошла маменька, уже одетая в бирюзовый бархат, любимый цвет. Такой она и запомнилась Нине по тому давнему вечеру. Только теперь, если приглядеться, у глаз её наметились тонкие лучики морщин, а в волосах, убранных жемчужными шпильками, серебрилось несколько седых прядей.

— Ты готова? — маменька окинула её внимательным взглядом и вдруг улыбнулась. Не светской, дежурной улыбкой, а тёплой и даже чуть грустной. — Совсем взрослая. Помню, как ты босиком по лужам бегала и платье рвала, а теперь...

— Мам, — Нина зарумянилась ещё сильнее. — Перестань.
— А что? Имею право.

Она поправила на дочери подвеску с крошечным брильянтом. Подарок отца на пятнадцатый день рождения. А потом обняла её, чего не делала давно, потому что Нина считалась уже барышней и лишние нежности в семье были не в ходу.

— Помни: ты — Гордеева, — сказала мать тихо. — Держи спину ровно и никому не показывай, что волнуешься. Даже если сердце выскакивает.

— Оно выскакивает, — призналась Нина.
— В твоём возрасте так и должно быть. Поехали.

Экипаж мягко катил по укатанной зимней дороге. За окнами мелькали припорошенные снегом поля, чёрные стволы дубов, далёкие огоньки деревни. Нина сидела, прижавшись плечом к плечу матери, и молчала.

Поместье Вербенских встретило их светом ярких огней. Дом сиял, точно новогодняя игрушка: в каждом окне горели свечи, парадное крыльцо было увито еловыми гирляндами, и даже старые каменные вазоны украсили можжевельновыми ветками. Подъездная аллея была забита каретами, сани то и дело подъезжали, высаживая гостей, закутанных в меха.

В вестибюле их встретил шум, тепло и запах хвои. Сразу стало ясно: бал будет пышным, куда пышнее обычных уездных приёмов. Старшие Вербенские явно давали его неспроста — и у Нины перехватило дух от догадки. Сегодня. Точно сегодня.

Она вошла в залу и на минуту замерла.

Там уже танцевали. Оркестр — настоящий, из двенадцати музыкантов, — играл что-то плавное и торжественное. Под высоким потолком плыли гирлянды из омелы и лавра. Дамы в светлых платьях кружились с кавалерами в мундирах и фраках, сверкали эполеты, колыхались веера. И Нина вдруг ясно представила, как через несколько минут Алексей подаст ей руку, и они войдут в этот сияющий круг, и музыка подхватит их...

— Нина Александровна, вы ли это? — раздался рядом весёлый голос.

Она обернулась. Подпоручик Долгорукий, приятель Алексея, с которым они виделись прошлым летом, улыбался ей, сверкая белозубой улыбкой.

— Здравствуйте, Николай Петрович.

— Здравствуйте. А я гляжу и глазам не верю: совсем невеста. — Он подмигнул, и Нина смутилась. — А Вербенский-то наш где? Что ж он такую красавицу одну оставил?

— Я как раз его ищу, — сказала она, оглядывая зал. — Вы не видели Алексея?

Долгорукий отчего-то смутился. Бросил взгляд куда-то в сторону высоких окон, завешенных тяжёлым бархатом.

— Кажется, он выходил на воздух, — сказал он неопределённо. — На балкон. Там... душно ему стало.

— Благодарю.

Нина направилась в ту сторону. Идти пришлось долго — гости теснились, кто-то окликал её, с кем-то она раскланивалась, но все лица сливались в одно пёстрое пятно. Она не замечала никого.

Балконная дверь была приоткрыта — узкая полоска зимней стужи вползала в залу, заставляя свечи дрожать. Нина поёжилась и выскользнула наружу.

Сначала она ничего не увидела. Только тьму и звёзды.

Балкон был длинным, опоясывал угол дома, и фонари сюда не добивали. Ветер дунул в лицо колючей снежной крошкой. Нина зажмурилась на секунду, а когда открыла глаза, различила в темноте две фигуры.

Одна — высокая, в мундире, смутно знакомая. Плечи, разворот головы — она узнала бы его в любой темноте. Алексей.

Вторая фигура была тоньше, меньше, в светлом платье, которое в темноте казалось серебристым. Девушка.

Нина открыла было рот, чтобы окликнуть, но в этот миг незнакомка приподнялась на цыпочки, обвила Алексея руками за шею и притянула к себе. Их силуэты слились.

Ветер пронёсся по балкону, взметнул снежную пыль. Нина стояла не дыша. Она видела только его спину, видела, как чужая рука скользнула по его затылку.

В ушах зазвенело.

Где-то в зале грянул новый танец — мазурка, весёлая, искристая. Нина попятилась, нашла за спиной дверную ручку, скользнула обратно в залу, в свет и духоту.

Музыка гремела. Пары кружились.

А она всё стояла у двери и не могла отвести взгляд от приоткрытой балконной створки, за которой её детство только что кончилось.

Глава 3. Балкон

Десятью минутами ранее

Зимний воздух пах железом и морозом. Снег лежал на каменных перилах балкона тонким пушистым слоем, и от каждого движения тени внизу, в саду, он осыпался бесшумной пылью.

Алексей стоял, опершись на балюстраду, и смотрел в темноту. В зале только что закончили контрданс, и теперь музыканты настраивали инструменты перед вальсом. Ему нужно было возвращаться. Там ждала Нина — он знал это, представлял из встречу с самого утра, с той минуты, как надел парадный мундир. Сегодня вечером он намеревался сделать то, чего от него ждали пять лет: объявить помолвку официально.

При мысли о Нине внутри потеплело. Она, конечно, уже там, в зале. Наверное, стоит у колонны, вытянувшись стрункой, и ищет его глазами. Бледно-розовая, взволнованная, с ямочкой на подбородке, которая появляется, когда она силится не улыбаться. Ей пятнадцать — совсем взрослая. Он помнил, как пять лет назад в беседке она, смешная и храбрая, чмокнула его в щёку и обещала поцеловать «по-настоящему». С тех пор много воды утекло, но то обещание он не забыл.

— Алексей Иванович, — произнёс за спиной мягкий голос.

Он обернулся.

На балкон, кутаясь в шаль, выскользнула Анна Климова. Дочь нового соседа, которого отец недавно представил в уезде. Семейство переехало из столицы поздней осенью и теперь усиленно обживалось в пригороде. Анну Алексей видел на нескольких приёмах — милая, смешливая, чуть вертлявая девушка с глазами, которые смотрели на всех слишком прямо и слишком пристально.

— Вы одна? — удивился он. — Замёрзнете.

— Ничего, — она улыбнулась. — Я на минуту. Душно очень.

Она встала рядом и тоже посмотрела в сад. Снизу доносился приглушённый смех кучеров и фырканье лошадей. В доме напротив слуги зажигали дополнительные фонари — жёлтые пятна плыли в темноте.

— Вы сегодня танцевали? — спросил Алексей из вежливости.

— Дважды. С Долгоруким и с князем Мещерским. Но я хотела бы станцевать ещё кое с кем.

Она повернулась к нему, и в полумраке её лицо показалось странно бледным, почти фарфоровым.

— Со мной? — уточнил Алексей.

— Угадали.

— Что ж, я, полагаю, свободен после второго вальса.

Анна улыбнулась, но ничего не сказала. Вместо этого она вдруг шагнула ближе.

— Алексей Иванович, — проговорила она тихо, почти интимно. — Я давно хотела вам кое-что сказать...

И тогда случилось то, чего он не ожидал.

Она подалась вперёд, обвила его шею руками — быстрым, ловким движением, — и прижалась губами к его губам. На секунду он оцепенел. Пахнуло от неё сладкими духами и морозом. Чужая шаль скользнула по его плечу.

— Что вы делаете?! — он отшатнулся, схватил её за локти, отстранил. — Анна Сергеевна, вы в своём уме?

Она засмеялась — нервно, как-то слишком громко для такого момента.

— Я просто хотела...

— Что вы хотели? Скомпрометировать меня? Себя?

В дверях позади них что-то дрогнуло — будто сквозняк качнул створку. Алексей резко обернулся. Ему показалось, что в проёме мелькнула светлая тень. Но там уже никого не было. Только ветер трепал край бархатной портьеры.

— Идите в залу, — сказал он жёстко. — Сейчас же.

Анна поправила шаль, глядя на него с непонятным выражением — не то разочарованным, не то торжествующим.

— Как скажете, — произнесла она и, подобрав юбки, скользнула внутрь.

Алексей остался на балконе один. Сердце колотилось. Он вытер губы рукавом мундира, чувствуя липкий привкус помады. Что это было? Глупая выходка? Интрига? Анна Климова с первого дня знакомства казалась ему слишком уж бойкой, но такого он не ждал.

И ещё — эта тень в дверях.

Он не успел разглядеть лица, но внутри у него похолодело помимо зимней стужи. Если там кто-то был... Если этот кто-то увидел...

Алексей рванул дверь и вошёл в залу.

Там всё шло своим чередом. Гремела музыка, кружились пары. Он проталкивался сквозь толпу, ища глазами Нину. Её платье было белым с серебром — он знал, потому что мать рассказывала за обедом.

— Вербенский! — его схватил за локоть Долгорукий. — Ты куда пропал? Там твоя невеста тебя ищет.

— Где она?

— Только что была здесь. Сейчас...

Он недоговорил. К ним подошёл отец Нины, Александр Петрович Гордеев, и лицо у него было странное — растерянное и немного сердитое.

— Алексей, — сказал он вполголоса. — Нина плохо себя почувствовала. Мы уезжаем.

— Что с ней? Я могу...

— Не сейчас, — отрезал Гордеев. В его тоне не было обычного добродушия. — Она просила не беспокоить.

— Но...

— Извини, Алексей. Увидимся позже.

И он ушёл.

Алексей стоял посреди залы, окружённый смехом и музыкой, и чувствовал, как внутри обрывается что-то важное. Неужели, она была здесь. И всё видела.

— Чёрт, — прошептал он. — Чёрт.

Подпоручик Долгорукий, ничего не понимая, протянул ему бокал шампанского.

— Выпей. На тебе лица нет.

Алексей взял бокал, но пить не стал. Смотрел на дверь, за которой только что скрылись Гордеевы. Он стоял с бокалом в руке и думал, что завтра непременно всё объяснит.

Но завтра всё уже будет кончено.

Глава 4. Яд

Имение Гордеевых, день спустя

Нина не выходила из своей комнаты.

Маменьке сказала — простудилась на сквозняке. Отец хмурился, но не настаивал на подробностях. Доктор, вызванный на всякий случай, прописал горячее питьё и покой, и Нина покорно пила липовый чай, глядя в стену.

Она почти не спала. Каждый раз, закрывая глаза, видела одно и то же: тёмный балкон, две слившиеся тени и чужую руку на его затылке.

На следующий день с утра ударила оттепель. За окном закапало с крыши, снег потемнел и просел, а небо затянуло низким серым одеялом. Нина сидела в кресле у камина, закутанная в плед, и бездумно смотрела на огонь.

В дверь постучали.

— Барышня, — горничная просунула голову в щель. — К вам гостя. Анна Сергеевна Климова. Прикажете принять? Или сказать, что вам нездоровится?

Нина вздрогнула. Фамилия Климова была ей знакома — новые соседи, о которых говорили в уезде. Но имя Анна она запомнила по другой причине. Той ночью, когда она вернулась с бала и заперлась у себя, одна из горничных, помогавших ей расшнуровать платье, обмолвилась: «А Климова-то как выросла, вертлявая какая стала. Говорят, в столице от женихов отбоя не было».

Нина тогда не придавала значения. Теперь — придала.

— Примите, — сказала она, выпрямляясь. — Я спущусь.

Она надела простое домашнее платье — серое, с белым воротничком, — заколола волосы и спустилась в малую гостиную. Та пустовала, если не считать госты, которая сидела на диване с чашкой чая в руках.

Анна Климова оказалась именно такой, какой запомнилась Нине с бала: светловолосая, тонкокостная, с подвижным лицом и глазами, которые смотрели слишком прямо. Одета она была изящно, но без крикливости — синее дорожное платье, скромная брошь.

— Нина Александровна! — Анна поднялась, приветливо улыбаясь. — Простите великодушно, что без приглашения. Узнала, что вы захворали, и решила навестить. Мы ведь почти соседи.

— Благодарю, — Нина села напротив и жестом предложила гостье опуститься обратно. — Вы очень любезны.

— Пустое. — Анна отпила чаю. — Я так огорчилась, что вы покинули бал, не попрощавшись. Все только и говорили, что о вас. И об Алексее Ивановиче, конечно.

Она произнесла это имя легко, почти небрежно, но Нина заметила, как на мгновение дрогнули её ресницы. Внутри у Нины всё сжалось.

— Да, мне нездоровилось, — ответила она ровным голосом. — Боюсь, сквозняк.

— Ах, эти сквозняки, — Анна сочувственно покачала головой. — Вечно подводят в самый неподходящий момент. Алексей Иванович, должно быть, очень расстроился, что не станцевал с вами.

Нина промолчала.

— Мы с ним немного знакомы, — продолжала Анна, глядя в чашку. — С тех пор, как папенька перевёз нас в эти края. Он так добр ко мне был. Право, я не встречала более обходительного молодого человека.

Каждое слово падало в тишину, точно камень в воду. Круги расходились медленно, но верно.

— Вы, верно, знаете, — Анна вдруг подняла глаза и посмотрела на Нину почти виновато, — что мы... что у нас с Алексеем Ивановичем возникла некоторая... симпатия. Я не хотела говорить, но раз уж мы остались вдвоём...

Нина почувствовала, как кровь отливает от лица. Она не отвечала. Просто сидела и слушала.

— Он ухаживал за мной, — тихо, почти шёпотом проговорила Анна. — Последние недели. Обещал, что как только придёт время — вы знаете, эти формальности с родителями, — он сделает мне предложение.

Огонь в камине треснул, выбросил сноп искр. Нина смотрела в лицо Анны и не видела на нём ни тени сомнения. Только лёгкую грусть. Ту, что бывает, когда приходится сообщать неприятную новость почти незнакомому человеку.

— Я думала, вы должны знать, — Анна поставила чашку на столик. — Разумеется, я понимаю, что ваши семьи давно дружат и все вокруг считали вас невестой... Но сердцу не прикажешь, правда?

— Правда, — сказала Нина. Голос прозвучал чуждо, как будто не её.

Анна вздохнула.

— Мне очень жаль, если я вас расстроила. Право, я не хотела. Но лучше ведь узнать сейчас, чем потом, когда всё зайдёт слишком далеко?

— Лучше, — повторила Нина.

Она встала. Анна тоже поднялась, поправила юбку.

— Что ж, — гостья улыбнулась — мило, открыто, — не буду вас утомлять. Поправляйтесь, Нина Александровна. Я надеюсь, мы ещё увидимся.

— Непременно.

Нина проводила её до дверей, не произнеся больше ни слова. Когда входная дверь закрылась за Анной, она ещё с минуту стояла в холле, глядя на тёмное пятно растаявшего снега, оставленное гостьей на паркете. Слуги суетились где-то в глубине дома, но сюда не заходили.

Потом она медленно, очень медленно поднялась по лестнице к себе.

В спальне было тихо. Камин догорал. На столике у кровати лежала та самая книга — старая, с потёртым корешком. Нина взяла её, открыла. Высушенный белый бутон лежал между страниц, хрупкий, почти прозрачный. Она смотрела на него долго, пока глаза не начали жечь подступающие слёзы.

— Ты обманул, — прошептала она, сама не зная, кому — себе, цветку или ему. — Вот, что значит твое слово.

Вера в счастливое будущее треснула.

Она закрыла книгу, прижала к груди, легла на кровать и уставилась в потолок. Сил плакать не было. Было только ледяное, ровное онемение, словно кто-то выключил внутри весь свет. И где-то на самом дне этого онемения, ещё не оформленная в слова, уже зрела мысль: «Уехать. Бежать отсюда далеко-далеко, и никогда не возвращаться».

Глава 5. Пепел надежды

Имение Гордеевых, та же ночь

Оттепель кончилась, и к полуночи ударил мороз — окна затянуло серебристым кружевом, а половицы в старом доме начали постреливать от холода. Нина сидела в кресле, поджав ноги, и смотрела, как в камине догорают угли. Плед сполз на пол, но она не замечала.

Перед ней на коленях все ещё лежала раскрытая книга.

Та самая. Старый томик в потёртом переплёте, зачитанный до дыр в детстве. Она не прикасалась к нему уже много месяцев — берегла, прятала в шкатулке, словно вещь слишком хрупкой для каждого дня. Теперь же книга лежала открытой на странице, где покоился засушенный бутон.

Он был почти невесом. Лепестки истончились до папиросной бумаги, цвет ушёл в желтизну, и только в самой сердцевине ещё угадывался намёк на былую белизну. Нина осторожно коснулась его пальцем — и отёрнула руку. Казалось, прикосновение может превратить его в пыль.

Пять лет она хранила этот цветок как обещание. Перекладывала шёлковой ленточкой. Доставала, когда никто не видел, и разглядывала, вспоминая запах сирени и стрекот цикад. Она верила в эту память, как верят в молитву.

А теперь он казался просто сухим мусором. А все её воспоминания — глупыми детскими фантазиями, которые она сама придумала.

Нина резко захлопнула книгу и встала.

Камин. Огонь почти погас, но угли ещё дышали жаром. Она подошла, постояла, глядя на багровые переливы. Потом снова открыла книгу, поддела ногтем хрупкий бутон и поднесла его к каминной решётке.

Рука дрогнула.

Она стояла и долго смотрела на камин. Угли дышали ей в пальцы жаром. Одно движение — и цветок исчезнет. Исчезнет вместе с той глупой девочкой, которая верила в обещания, в беседки и в мальчика, обещавшего первый танец.

«Я не забуду», — сказала она тогда.

«Всё равно сохрани», — ответил он.

Нина всхлипнула. Слезы, которые она держала в себе три дня, хлынули разом. Она опустилась на колени перед камином и прижала книгу к груди, баюкая её, как живое существо.

— Не могу, — выдохнула она. — Не могу, не могу...

Она не бросила цветок в огонь. Она судорожно захлопнула книгу, прижала её к лицу и зарыдала в голос, уже не сдерживаясь. Плечи тряслись. Слезы капали на старый переплёт.

Где-то в доме скрипнула дверь — кажется, проснулась горничная, но заходить не решилась. Нина плакала одна, стоя на коленях у догорающего камина, и баюкала книгу, в которой лежал залог любви, оказавшейся обманом.

Потом, когда слёзы кончились, она поднялась. Подошла к столу, бережно положила книгу в шкатулку, закрыла крышку. Ключ повернула. Спрятала на дно дорожного сундука.

Цветок она сохранила.

Но когда в дверь постучали — тихо, неуверенно, — и горничная просунула в щель запечатанный конверт, Нина обернулась.

— От кого?

— От господина Вербенского, барышня. Нарочный только что доставил. Велели передать немедля.

Нина взяла письмо. Тяжёлая бумага, сургучная печать с вензелем «В». Почерк Алексея — она узнала бы его из тысячи, размашистый, немного летящий.

Она держала конверт в руках и смотрела на него сухими, воспалёнными глазами.

Соблазн был велик. Разорвать. Прочитать. Узнать, что он пишет. Может быть, там объяснение? Может быть, Анна солгала? И всё это — чудовищное недоразумение?

Но перед глазами снова встала картина: его спина, чужая рука на его затылке, их слившиеся силуэты. И голос Анны, мягкий, участливый: «Он обещал, что сделает мне предложение».

— Барышня? — горничная всё ещё ждала у двери.

Нина подошла к камину. Угли уже едва тлели, но она знала, как раздуть огонь. Опустилась на колени, положила конверт на решётку, поверх чёрных, потрескавшихся углей. Взяла щипцы, сдвинула один уголёк поближе.

Бумага занялась сразу — весёлым, жадным пламенем. Сургуч пузырился и шипел. Нина смотрела не отрываясь, как пламя пожирает его имя, его буквы, его слова — те, которых она никогда не прочтёт.

Через минуту от письма остался только серый пепел. Он взлетел лёгким облачком над решёткой и осыпался на угли.

Горничная ахнула и зажала рот ладонью.

— Можете идти, — сказала Нина. Голос был чужой, деревянный.

Дверь закрылась. Нина осталась одна.

Она подошла к зеркалу и долго смотрела на себя. Заплаканное, опухшее лицо, спутанные волосы, красные пятна на щеках. Нет, так нельзя. Хватит.

Она взяла со столика кувшин с водой, налила в таз. Вода была ледяной до ломоты в висках. Потом расчесала волосы, заплела их в простую косу и села ждать рассвета.

Когда первые серые лучи просочились сквозь морозные узоры на окне, Нина уже знала, что скажет.

Она спустилась к завтраку — бледная, но спокойная. Отец с матерью сидели за столом. Маменька подняла на неё встревоженный взгляд.

— Детка, ты не спала?

— Мама, папа, — сказала Нина ровным голосом. — Я не выйду за Алексея Вербенского. Ни за что и никогда. Прошу вас отпустить меня к тётушке в столицу. Я хочу учиться.

Повисла тишина. Отец опустил вилку. Маменька прижала руку к груди.

— Но... — начал отец.

— Пожалуйста, — сказала Нина. — Если вы меня любите, не спрашивайте.

И в её глазах было что-то такое, от чего родители переглянулись и замолчали.

Через три дня она уехала.

А в её шкатулке, на дне дорожного сундука, лежала книга с засушенным цветком — единственная вещь из прошлой жизни, которую она не смогла ни сжечь, ни забыть.

Глава 6. Отъезд

Имение Гордеевых, утро

Сборы прошли в молчании.

Маменька пыталась заговаривать — о погоде, тётушкином здоровье, столичной моде, но каждое слово падало в пустоту. В конце концов она умолкла, лишь изредка промокая глаза платком. Отец не сказал ничего вовсе. Он стоял у окна в гостиной, заложив руки за спину, и смотрел на заснеженный сад с таким выражением, будто видел его в последний раз.

Нина сама укладывала вещи. Сундук получился невеликим: несколько платьев, тёплый редингот, туалетные принадлежности и небольшая шкатулка, на дне которой, под замком, лежала книга. Горничная хотела помочь, но Нина отослала её. Мягко, но твёрдо. Ей нужно было побыть одной.

В доме пахло воском и сушёными травами. За окнами медленно, лениво падал снег — не колючий, как в день бала, а мягкий, пушистый, словно природа решила укутать всё белым саваном. Нина смотрела на кружащиеся хлопья и думала, что прощается не только с домом. С детством. С беседкой. Самым важным обещанием, которое оказалось пустым звуком.

Когда экипаж подали к крыльцу, маменька всё-таки не выдержала. Обняла дочь крепко, до хруста, и зашептала в плечо:

— Одумайся. Ещё не поздно. Алексей — хороший мальчик, он из достойной семьи...

— Мама.

— Но, детка, что мы скажем Вербенским? Как объясним?

— Никак, — Нина высвободилась из объятий, и в голосе её прозвенела сталь, которой мать никогда раньше не слышала. — Им нечего объяснять. Я не выйду за него, и это моё последнее слово. Если вы меня любите, не унижайте ни себя, ни меня расспросами.

Маменька отшатнулась. Взглянула на мужа — искала поддержки, — но Александр Петрович только покачал головой. Он уже понял то, чего жена понять не могла: их дочь изменилась за эти три дня. Что-то в ней закрылось, затвердело, и ломать эту стену сейчас было бы не только бесполезно, но и жестоко.

— Береги себя, — сказал он коротко. — Пиши. Тётушка ждёт.

Нина кивнула. Поцеловала мать в щёку — та уже плакала открыто, не скрываясь, — пожалала руку отцу и села в экипаж.

Снег скрипел под полозьями. Дом поплыл назад — большой, обветшалый, с тёмными окнами, — и Нина вдруг подумала, что видит его в последний раз. Не потому что не вернётся, а потому что та девочка, что жила в этих стенах, осталась здесь навсегда.

Она не оглянулась.

Двумя днями позже.

Алексей стоял посреди гостиной Гордеевых и не узнавал этот дом.

Нет, мебель была та же — тяжёлый дубовый гарнитур, портреты предков, штофные обои. Но сам воздух изменился. Сделался густым, спёртым, будто дом задерживал дыхание в ожидании чего-то дурного.

Александр Петрович принял его в кабинете — сухо, без обычного радушия. Жестом указал на кресло. Сам сел напротив, сложил руки на столе и долго молчал, прежде чем заговорить.

— Вы уже знаете, зачем я здесь, — сказал Алексей. Он не спрашивал, а утверждал. — Я хочу видеть Нину. Мне нужно с ней поговорить.

Гордеев поднял на него усталый взгляд.

— Вы опоздали, Алексей Иванович. Нина уехала.

— Куда?

— К тётушке, в столицу.

Алексей почувствовал, как что-то внутри оборвалось — резко, как струна.

— Когда?

— Вчера поутру.

В кабинете повисла тишина. За окном падал всё тот же неторопливый снег. Маятник напольных часов качался мерно и гулко.

— Я могу узнать причину? — спросил Алексей глухо.

Гордеев развёл руками — жест одновременно и беспомощный, и отстраняющий.

— Нина не сочла нужным объяснять. Сказала лишь, что ни за что и никогда не выйдет за вас. И попросила не задавать вопросов.

— И вы не спросили?

— Моя дочь, — сказал Александр Петрович с расстановкой, — не принимает таких решений на пустом месте. Если она не хочет говорить, значит, на то есть причины. Я не стану выпытывать. И вам не советую.

Алексей встал. Внутри у него бушевал гнев — и на Нину, её родителей, и на себя самого. Он не понимал. Почему она уехала, не дав ему ни единого шанса? Не ответила на письмо. Почему её отец смотрит на него так, словно он — причина всех бед?

— Александр Петрович, — сказал он, сдерживая голос, — я не знаю, что произошло. Но я не сделал ничего дурного. Клянусь вам.

Гордеев тоже поднялся.

— Возможно, — сказал он тихо. — Но Нина так не считает.

Больше говорить было не о чем. Алексей поклонился и вышел.

В коридоре было темно. Он шагнул к выходу, и вдруг взгляд его упал на дверь, ведущую в малую гостиную. Ту самую, где они с Ниной иногда сидели вдвоём, пока взрослые беседовали о скучных материях. Он толкнул створку.

В комнате никого не было. Камин давно погас. На полу перед решёткой темнела горстка пепла.

Алексей подошёл ближе. Опустился на корточки. Пепел был свежий. Рядом валялся уголок обгоревшей бумаги. Он поднял его, повернул к свету.

Вензель «В». Его письмо. Прочитала и сожгла.

Алексей медленно выпрямился. На лице не дрогнул ни один мускул, но внутри разлилась ледяная пустота. Она не захотела дать ему шанс объясниться.

Он бросил обрывок в пепел и вышел, не оглядываясь.

Через неделю он ушёл в армию. И на шесть лет о нём не было в губернии ни слуху, ни духу.

Столица, полгода спустя.

Анна Климова вышла замуж за подпоручика Долгорукого.

Свадьба была скромной, поспешной — через шесть месяцев после того самого бала. В уезде судачили: Климова-то ловко устроилась, а ведь прочили её чуть ли не в невесты Вербенскому. Но никто ничего не знал наверняка.

Нине весть о свадьбе принесло письмо от матери. Она прочитала его за утренним чаем, отложила и больше не возвращалась к этой теме. Никогда.

Она не знала, что Анна выскочила за Долгорукого не от большой любви, а от безвыходности. Потому что Алексей бежал из губернии, спасаясь от её преследований. А поцелуй на балконе был спектаклем, рассчитанным на единственного зрителя.

Но Нина тогда ничего не хотела знать.

Тётушка жила уединённо, в старом доме на окраине столицы. Гостей не принимала, в свет не выезжала. При одном упоминании фамилии Вербенских Нина бледнела и замолкала так надолго, что знакомые скоро отучились произносить это имя при ней.

Семь лет минуло.

Где-то в далёкой губернии старели родители, ветшало имение, и брат Иван из милого мальчика превратился в горячего, бесшабашного юношу.

А в шкатулке на дне сундука, под грудой столичных платьев и пожелтевших писем, по-прежнему лежала старая книга. И в ней — хрупкий, почти невесомый цветок, который она так и не смогла сжечь.

Глава 7. Возвращение

Имение Гордеевых, ранняя весна 183... года.

Дорога от столицы заняла целый день.

Тряска в почтовой карете, обед на постоялом дворе, где пахло кислой капустой и дёгтем, и бесконечные разговоры с попутчиками, которых Нина не запомнила. Она вообще мало что запоминала в последнее время — годы в столице приучили её отгораживаться от лишнего. Там, у тётушки, жизнь текла размеренно и тихо: книги, уроки, редкие прогулки в Летнем саду. Ни балов, ни имён, которые бередили бы старую рану.

Но когда за окном поплыли знакомые перелески, а потом показалась покосившаяся мельница на холме, сердце сжалось.

Здесь ничего не изменилось. И вместе с тем переменялось всё.

Экипаж свернул на подъездную аллею, и Нина высунулась из окна, забыв про приличия. Старые дубы стояли, как в детстве, — могучие, кряжистые. Но липовая аллея, что вела к парадному крыльцу, поредела: трёх деревьев не хватало, и пни чернели в грязном снегу, словно гнилые зубы. Парк зарос. Кусты сирени, когда-то подстриженные аккуратными шарами, теперь топорщились во все стороны дикой щетиной. Фонтан молчал, и в его каменной чаше стояла тёмная, подёрнутая ледком вода.

Дом встретил её облупившейся краской и тёмными окнами. Парадное крыльцо обветшало: одна балясина покосилась, и её так и не заменили. На ступенях лежал неубранный снег.

Нину никто не встречал.

Она вышла из кареты сама, подобрала юбки и ступила на скрипучие половицы. Старый лакей у дверей прищурился, узнал — и ахнул.

— Барышня! Нина Александровна! Вернулись!

Она коротко кивнула, стараясь не выдать волнения. Годы в столице научили её держать спину и прятать чувства, но здесь, в родном доме, это умение дало трещину.

В вестибюле было холодно. И сумрачно, хотя день стоял ясный. Шторы задёрнуты, люстры зачехлены. Пахло сыростью и запустением — тем особенным запахом, который заводится в домах, где перестали топить по-настоящему.

— Где отец?

— В кабинете, барышня. Они... они вас ждут.

Нина поднялась по лестнице. Ступени стонали под ногами. На стенах темнели прямоугольники — там, где раньше висели картины. Она не спрашивала, куда они делись. И так понимала: проданы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.